

Яд кобры

Шэн Бо

Шэн не выходила из их с Кэйлашем части дворца. Она чувствовала себя все хуже и знала, что до родов остается все меньше времени. Иногда приходили кобры – приносили что-то нужное, интересовались здоровьем с таким видом, что хотелось ответить «не дождетесь», кто-то учтиво поинтересовался, куда уехала Джая. В этот момент Шэн поняла, что во дворце не осталось никого, кому она могла бы доверять – вождя она не стала бы беспокоить, Кэйлаш и Лун были в Лумбини, как и воины из отряда отца, которые сейчас сопровождали принца. И к новости об отъезде Джаи Шэн относилась со свойственным ей фатализмом – она давно поняла, что её ждет.

Всю ночь Шэн не могла заснуть, а под утро начались роды. Кобры подросли вовремя, и сейчас суетились втроем, то ли пытаюсь помочь, то ли дожидаясь момента, когда появится наследник. Тигрица даже не пыталась читать их мысли – энергия ей понадобится на другое, она и так все знала. Было больно, казалось, что в прошлый раз, когда она рожала Стивена одна, в пещере, ей было легче. Сейчас она будто ещё и всей кожей чувствовала ту ледяную ненависть, которую испытывают к ней женщины клана Королевских Кобр. Но Шэн уже решила, что способна стерпеть все, потому что от неё требовалось лишь дать жизнь ребенку, наследнику, сыну Кэйлаша. Боль, ненависть, презрение, зависть – реальны лишь те ощущения, что есть в теле, боевой маг не бывает эмпатом.

Несколько часов борьбы с болью, во время которых ребенок изводил её так, будто до последнего не хотел оказываться в окружении тех, кто находился в комнате рядом с Шэн. Силы оставляли тигрицу, которой казалось, что боль всех прежних ран слабее той, что разрывала тело сейчас, при этом нельзя обращаться к энергии врачевания, иначе сил может не хватить. Либо за окном уже начинало темнеть, либо темнело в глазах, Шэн этого уже не понимала. Зато она продолжала помнить, что её жизнь должна оборваться в тот момент, когда наследник появится на свет. Боевой маг, она могла бы выжить, если бы никто не мешал, но сейчас шепот кобр, говоривших друг с другом, уже без стеснения сообщал о том, что мешать будут.

Больно? Страшно? Это все мысли, которых не должно быть, ведь вся её жизнь протекала так, чтобы не замечать ни боли, ни страха. Все, что наполняло жизнь ценностью, закончилось в тот момент, когда Кэйлаш уехал из дворца, а сейчас оставался его сын, который совсем скоро появится на свет. Он выживет, Шэн это знала. Жизнь наследника выгодна всем, потому его будут беречь, а о большем можно и не мечтать.

И вновь боль и темнота, затем крик, услышав который, Шэн чуть заметно улыбнулась. Он не могла пошевелиться, чувствуя, как остатки ци рассеиваются, будто туман.

Ветер Перемен

Все, что касалось родов тигрицы, Тара контролировала лично. Нужно было провести все так, чтобы наследник выжил, а его мать трагически погибла при родах. По

расчетам кобры принц вернется через пару дней, за это время можно скрыть следы яда. Никто специально не помогал Шэн, напротив, роды затягивали так, чтобы ни у кого не возникло вопросов, когда станет известно о гибели тигрицы. Прошло больше двенадцати часов с начала схваток, когда ребенок все же появился на свет, живой и здоровый.

Подопечная Тары, молодая вертихвостка Долма, которая все не теряла надежды привлечь внимание принца к себе, дождалась момента, когда акушерка, взяв младенца, отойдет в сторону. Девушка получила распоряжение от старшей, и сейчас просто должна была его выполнить – кобра скользнула по полу вдоль кровати, затем забралась по ножке на спинку из черного дерева и стала пробираться к плечу тигрицы, которая то ли заснула, то ли потеряла сознание. Долма не волновалась и не чувствовала жалости – она считала, что Шэн – её личный враг, соперница, отнявшая внимание принца, специально заставлявшая его находиться в Лхасе, а не в Покхаре, чтобы у него не было возможности сравнивать её с королевским гаремом. Долма считала, что принц сможет забыть ту, на ком его женили приказом, достаточно лишь избавиться от неё, оставалось совсем немного до бледной коже на плече тигрицы, а затем всего лишь один укус.

Джая Кайлаш Лакшми Шэ Иша Джиотиш

Джая торопилась как могла, едва не загнав своего коня. Кэйлаша она не нашла сразу, но успела выцепить Луна, наорала на него, велела искать Наставника и скакать за ней. Сама метнулась обратно, прекрасно понимая, что поступает правильно. Нельзя было терять время на поиски, муж и сам прекрасно справится. И пускать его в логово кобр тоже нельзя. Ее боялся больше, чем неизвестного тигра, как бы ни странно это выглядело. Характер маленького воина помнили все женщины, она и не скрывала своего к ним отношения. И сейчас вбегала в комнату, где рожала тигрица, выхватывая на бегу сай. Один, потому что слышала плач младенца.

- Отдай! - Рявкнула она так, что любой присутствующий бы понял, какова она, ученица принца. Глаза девушки горели злобой, лицо изменилось. Такой ее еще не видели. Даже в бою она действовала спокойно, уверенно. А сейчас ее саму ломало, ведь она шла против своих. За тигров. Угрожая саем, кобровка вырвала из рук женщины младенца и прижала к себе, одновременно подступая к лежащей сифу Бо. Та молчала, и единственного взгляда на ее ауру хватало, чтобы понять, что женщине плохо, энергия сбита, но ей никто не навредил. И не помог. Джая сжала зубы и опять зарычала.

- Назад! Назад, я сказала! Именем принца, убью! - Краем глаза обезумевшая от волнения и переживаний девушка увидела метнувшуюся к тигрице кобру и без раздумий ударила саем. Из неудобной позиции, открывая собственный бок, не просчитывая ситуацию и не оставляя себе шансов на отступление. У нее не будет даже времени выхватить второй сай, рука занята малышом, который был наследником. Тем, кто отберет у нее отца. И которого она будет беречь сильнее, чем собственную жизнь. Просто потому, что так правильно, так чувствует сердце. Главное спасти его сейчас. Его и его мать. Сай глубоко вошел в тело змеи, впиваясь острым концом в пол. А Джая уже в этот миг понимала, что проиграла, что подвела всех. Наставника, сифу Бо, этого малыша. Всех. Не успела. И девушка завывала в

голос, стараясь успеть хотя бы собой закрыть от всех бед новорожденного.

Ветер Перемен

Долма не успела среагировать, когда в комнату ворвалась ученица принца. Она до последнего не верила, что эта скандальная девица выступит против своих за тигра, потому не стала пытаться защититься от удара. Раненая змея сползла на пол, в то время как Тара, чувствуя, что терять уже нечего, перекинулась сама. Она видела, что успеет атаковать Шэн, что у Джаи заняты руки, и она не сможет отразить атаку. Королевская кобра, прошелестев чешуей, метнулась длинной лентой к плечу тигрицы и впилась, выпуская яд. Много, больше, чем нужно, со всей ненавистью к сопернице, к провалившемуся покушению, к принцу, который предал своих женщин ради той, что не должна жить. Тара не думала о себе, она понимала, что если её не успеет убить Джая, ей все равно не жить, но, уходя, она пыталась утащить за собой своего главного врага.

На месте укуса появились черные отметины, дыхание тигрицы быстро сбилось, потому что яд мгновенно начал действовать на ослабленный организм. Шэн сейчас не смогла бы работать с энергией, потому что у неё этой энергии попросту не было. Яд королевской кобры обладает нейропаралитическим действием, он вызывает удушье, не давая пошевелиться или вздохнуть, отнимая зрение и загоняя в ледяное оцепенение практически неизбежной смерти.

Кэйлаш Нилам Садхир Иша Джиотиш

Несмотря на все заверения тигрицы, на сердце у наследного принца было очень беспокойно. Он словно чувствовал ее, даже несмотря на то, что находился далеко. И один Будда знает, как он не хотел покидать Шэн, оставлять ее одну сейчас, когда наследник должен вот-вот появиться на свет. И было немало поводов и нехороших предчувствий вернуться обратно в резиденцию, где осталась гордая тигрица. И он несколько раз порывался вернуться, особенно сегодня утром, когда волнение, так несвойственное аспиду, и плохое предчувствие достигли, кажется, своего предела. Но его перехватили тигриные старейшины, с которыми была назначена встреча. Но, небывалое дело, он совершенно не мог сосредоточиться на обсуждении стратегически важных вопросов. Лун, что удивительное, почему-то не участвовал в разговоре, хотя до этого принимал активнейшее участие в молчаливом впитывании информации. Кажется, в его родном клане на него имеют какие-то виды в будущем, но мысли раз за разом возвращались к его златоглазой тигрице, которой, он чувствовал, было плохо. В конце встречи он поблагодарил за теплый прием, извинился, что не может задержаться на еще запланированные пару дней, и приказал седлать лошадей. Принц места себе не находил, чувствовал, что что-то либо уже случилось, либо должно случиться.

Именно в этот момент его буквально настиг ученик Шэн, сбивчиво объясняя, что только что прискакала Джая и велела срочно возвращаться в Покхару. Ему не требовались объяснения, которые юный тигр не мог толком дать, ему не нужно было больше ни одного лишнего слова – Кэйлаш в мгновение ока оказался в седле и пришпорил коня. Впрочем, Лун не отставал от него.

Путь неблизкий, лошадь была загнана, но аспид отчетливо видел пыль из-под копыт лошади его ученицы. Когда он ворвался в комнату, первое, что увидел принц – Тара,

прильнувшая ядовитыми клыками к плечу тигрицы. В мгновение ока обнажилась сталь катаны, а в следующую секунду тело змеи, что посмела напасть на его женщину, забилося в судорогах, разрезанное надвое, начало превращаться в тело одной из наложниц королевского гарема.

- Лун, никого не выпускать, Джая – за противоядием! – сам же Принц бросился к бледной тигрице, в глазах которой угасала жизнь. Он знал о том, насколько силен яд королевской кобры, знал, что в первую очередь он парализует дыхательные мышцы. Он не настолько искусен во Врачевании, чтобы успеть вытравить эту ша-ци из ее ослабленного организма, но может тянуть время, заставив ее дышать, даже если она этого не может сделать самостоятельно.

Левая рука мгновенно оказалась над легкими тигрицы, наполняя их энергией зеленого цвета, а правая – на горле, направляя на него энергию голубого цвета. Главное – заставить ее дышать, что угодно, но лишь бы дышала, лишь бы смогла продержаться до того, как принесут противоядие. Лицо наследного принца выражало невероятную помесь невероятной сосредоточенности и боли от одной мысли о том, что ее не станет, что все может оказаться бесполезным. Он забыл про ребенка, он вообще не видел и не слышал ничего вокруг, кроме Шэн и ее попыток дышать.

- Дыши, - тихо повторял он раз за разом. – Дыши, прошу тебя, Шэн. Ты должна. Ты можешь. Ты же сильная, ты не посмеешь оставить меня сейчас. Дыши, милая...

Лун Шэ

Дел в Лумбини оказалась очень много. И он, Лун, никак не мог понять что же именно от него требуется, почему ему непременно надо было быть тут, когда это дела старших, более опытных и известных воинов. Конечно же, ему невероятно льстило то, что ему так доверяют, но здравый смысл иногда просыпался и напоминал о себе. К тому же, он никак не мог понять то чувство тревоги, которое зародилось в нем, когда он обернулся обратно, на резиденцию, и увидел наставницу, которая заменила им с Юэ маму с папой, когда те погибли. Но в Лумбини времени думать об этом практически не было. Зато сегодня выдалось свободное утро, поэтому он бездумно шатался по резиденции, думая о том как там его Джая и Сифу. И даже сначала не поверил в то, что действительно услышал голос супруги, даже глупо заулыбался, решив, что он просто настолько успел по ней соскучиться, что она ему уже мерещится. Но нет, это действительно была она и, увы, с плохими новостями. Благо Кэйлаш отыскался почти сразу, поэтому всю дорогу они едва не глотали пыль из-под копыт ее коня. Он влетел в покои следом за аспидом, поэтому уже видел лишь то, как принц в секунду рассек пополам кобру. Сифу была бледна, ее грудь не вздымалась и от нее веяло холодом, который возможно распознать лишь тому, кто уже видел смерть. Смерть родителей. Бой – это иное. И только неведомое чувство ответственности, или голос Садхира-джи заставили его броситься к Джае, которая держала окровавленный сай, а во второй руке был ребенок. Ей надо было бежать за противоядием, а ему – не позволять кому-либо ускользнуть. А змей тут было много, ведь слух тигра значительно лучше змеиного.

- Джая, противоядие, - торопливо, сбивчиво и с нескрываемым волнением произнес тигр, коснувшись ее плеча рукой и пытаясь забрать ребенка, который плакал,

которого еще не успели даже обмыть, лишь перерезали пуповину. — Противоядие, — громче и настойчивее повторил Лун, чувствуя, что пламя вот-вот появится на его ладони. Он видел идиоток-кобр, заглядывающих в комнату, охающих и ахающих при виде рассеченного надвое тела какой-то девицы. Он боялся того, что наставница погибнет, оставив их с Юэ. И пусть они уже не те маленькие дети, она все равно останется для них самым близким человеком после родителей, ведь именно ей они обязаны тем, как сейчас живут. И он не был уверен в том, что сейчас не сможет не сорваться на жену, если она сейчас же не отправится за противоядием. Все слишком сложно, слишком больно и слишком неожиданно, хотя именно этого и следовало ожидать.

Шэн Бо

Боль от укуса не сильнее той, что осталась позади, и лишь ледяное оцепенение, что обручами сжимает грудь, не давая сделать вдох, говорит о том, как опасен яд. Будто сама смерть разливалась по жилам, мешая чувствовать тело, лишая возможности пошевелиться. Шэн заметила Джаю, которая вернулась, но сейчас не могла справиться с кобрами. Не важно, она схватила ребенка, это — главное. Темный туман перед глазами закрыл комнату, и тигрица не знала, открыты ли её глаза, она чувствовала только холод и онемечение во всем теле. А затем, скорее интуитивно, ощутила, что рядом оказался Кэйлаш.

Шэн почувствовала энергию, которая охватила легкие, помогая бороться с ледяным оцепенением. Она судорожно вздохнула, почувствовав резкую боль в ребрах и сердце, затем ещё раз, менее глубоко. Собственная энергия рассеивалась, ей не получалось управлять, её будто бы не было. И как назло в комнате не было горящих свечей, видно, что кобры просчитали и это.

Сквозь звон в ушах Шэн слышала голос, такой родной и любимый, который звучал непривычно... испуганно? Хотелось хоть что-нибудь ответить, но сил еле хватало на судорожное поверхностное дыхание, от которого лишь сильнее кружилась голова. Кэйлаш здесь, рядом, так близко и так далеко. Совсем недавно она не верила, что увидит его вновь, хоть и расстались они недавно. А теперь он вернулся, успел уже потому, что она его сейчас заметила. Ещё один обжигающий вздох, и темнота перед глазами ненадолго рассеялась, позволяя Шэн увидеть глаза Кэйлаша. Его взгляд, в котором читалась то ли боль, то ли надежда. И вновь все пропадало, расплываясь в холодном оцепенении.

И чуть дальше был слышен плач. Как тогда, в пещере, возвращавший к жизни, потому что она была обязана выжить, чтобы выжил ребенок. Воину сложно быть женщиной, ещё сложнее при этом выжить. И нет ничего невыносимее, чем слышать плач собственного ребенка, когда не можешь пошевелиться, чтобы хотя бы взять его на руки. О нем позаботятся. Сейчас Шэн была в этом уверена, она доверяла Кэйлашу и Джае, которые были рядом.

Любой воин знает, что его наиболее вероятная смерть — в бою, во имя клана, долга, чести, по приказу вождя. И так странно понять, что твоя судьба оказалась иной, что умираешь, дав жизнь, на руках у человека, научившего любить, в тот момент, когда у жизни появилась собственная ценность, когда в ней возник пьянящий вкус исполнения собственных желаний. И так сложно все отпустить и уйти. И хочется

малодушно роптать на судьбу за то, что за три десятка лет сражений она дала чуть больше года настоящего счастья. И все же Шэн не могла не благодарить свою судьбу за то, что получила от неё хотя бы эти счастливые месяцы.

Дышать становилось все тяжелее, воздуха не хватало, и Шэн пыталась судорожно его схватить, как рыба, выброшенная на берег. И вновь за темнотой она заметила взгляд, и от этого зрачки самой тигрицы чуть сузились, реагируя на свет, а янтарные глаза предательски заблестели.

Джая Кайлаш Лакшми Шэ Иша Джиотиш

Джая завизжала в тот миг, когда зубы кобры пронзили плечо сифу Бо. С такой силой завизжала, словно это ее сейчас пытались убить, ее кусали, в ее тело вливался яд, быстро растекаясь по венам. Девушка замерла с саем в руке, совершенно выпадая из реальности. В висках стучала только одна мысль – она подвела. Значит она убила. Рука крепче прижала к себе ребенка и кобра прищурилась, пытаясь понять, что за кутерьма вдруг началась. Кровавая пелена перед глазами, брызги крови от разрезанной девицы, чьи-то вопли. Девушка не слышала никого и ничего, только странные удары по ушам. И все было какое-то размытое, словно в потехах. Джая замотала головой, выставляя вперед сай и готовясь ударить того, кто первым посмеет подойти к ней и отобрать наследника. Знакомый голос прорывался сквозь бой крови в ушах. Девушка заморгала, пытаясь понять, кто тут вообще и что от нее хотят. Посмотрела вниз, на Наставника и умирающую тигрицу. Да, умирающую. А еще рядом орал Лун. Что-то насчет противоядия. Кобра совсем запаниковала, пытаясь в доли секунды решить, что ей делать, ведь надо спасти сифу Бо, уберечь ребенка и довериться кому-нибудь. И Джая, совершенно не осознавая, что именно шипит, передала малыша мужу, приставляя к подбородку тигра сай.

- Не убережешь – убью! – И выбежала из комнаты. Она помнила, где был небольшой лазарет во дворце. Совсем рядом, но мелькнула мысль, почему вдруг тигрицу не отнесли рожать туда. Девушка выла, перебирая склянки, бросая все ненужное на пол и сметая лишнее с полок. Вот оно! Противоядие на основе лошадиной крови. Знание, передаваемое из поколения в поколение. Джая побежала назад, зажимая в кулачке драгоценную ампулу. Сунула в руки принца, проорав тому на самое ухо, стараясь расшевелить. – Наставник, противоядие!!!!

И метнулась назад, к мужу. Протягивая руки к новорожденному мальчику и глядя безумными глазами на любимого тигра. Она подвела, но она не отдаст малыша никому.

Кэйлаш Нилам Садхир Иша Джиотиш

Что такое боль, когда у тебя на руках умирает самый близкий тебе на свете человек? Что такое душевная боль, когда раньше даже и не подозревал о ее существовании? Что такое надежда, когда в душе сидит уверенность в том, что дочь не может довести своего отца? Это преддверия чистилища, в которое сгоняют всех, у кого за душой невероятное количество грехов, самый главный из которых – смерть. А у принца и его супруги смертей за спиной было очень много, возможно, слишком много. Но пока жива эта надежда, пока грудь тигрицы продолжает вздыматься, а губы ее судорожно хватают воздух, он не сдастся. Что будет потом, если будет слишком поздно? Диюй, Ад, потому что чистилище останется уже

позади, а пути обратно не будет. Как и не будет любимого человека рядом.

Взгляд принца был сосредоточенным. Каждый обрывистый вздох супруги он расценивал как шаг вперед, огромный шаг, которые не позволяют усомниться в том, что все будет так, как захочет именно он, а не как ему кто-то попытался диктовать. Меньше всего сейчас аспида заботила возможность потерять слишком много сил. Главное – продержаться до введения противоядия.

- Ты молодец, Шэн, - шептали его пересохшие губы, - Ты можешь это, дыши, родная, только не сдавайся, прошу тебя. Ты нужна мне...

Голос Джаи раздался откуда-то издалека. Он несколько секунд не мог заставить себя прервать контакт с тигрицей, боясь, да, искренне боясь, что даже десяти секунд, что понадобятся ему для того, чтобы распечатать ампулу с иглой и ввести препарат в вену, может хватить для того, чтобы она никогда больше не открыла свои пленительные золотистые глаза. Но железная воля выдрессированного воина работает лучше каких-либо эмоциональных всплесков. Уже через две секунды Кэйлаш держал распакованную ампулу с иглой и нащупывал вену, а еще через две секунды противоядие вводилось в вену. Как только ампула оказалась пуста, он отшвырнул ее в сторону, вновь направляя лечебную энергию на дыхательные пути супруги.

- Все будет хорошо, Шэн, - прошептал он, - Сейчас станет легче. Только дыши, милая.

Лун Шэ

Джая отреагировала не сразу, далеко не сразу. Она была настроена очень агрессивно, как настоящий воин клана, была готова на любые жертвы, чтобы сохранить жизнь наследнику, которого так крепко прижимала к себе, словно кто-то пытался у нее его отобрать. Но чего тигр ожидал меньше всего, то и дело кидая нервные взгляды на наставницу, так это почувствовать холод стали сая у своего горла. Но он так ничего и не ответил – это было бы глупо, ведь если бы она ему не доверяла, то не отдала бы ребенка. А Пламя все также и бесновалось в крови, в душе, в сознании тигра, желая вырваться на свободу, словно чувствовало насколько оно было необходимо тигрице. Ребенок покоился в одной руке, как его и положила убежавшая кобра, которая, кажется, не замечала никого из гарема, кто еще не смекнул, что дело – дрянь и лучше уносить ноги. На ладони вспыхнуло пламя, в глазах горел Огонь, а одного взгляда на свечи хватило для того, чтобы комната в мгновение ока смягчила свои цвета и наполнилась тонким ароматом тлеющих фитилей и плавленого воска.

- Куда пошли? – голос молодого тигра раскатами грома пронесся по коридору, откуда сразу же бросились в разные стороны наложницы королевского гарема. Девушки испуганно остановились и начали оглядываться назад. Прижимая головы к плечам, словно это могло им помочь избежать наказания. – Зашли в эту комнату и не выходить! – тигр указал на соседнюю со спальней небольшую комнату, похожую на кладовку. Те несколько кобр, что рискнули сбежать, получили Огненным хлыстом по ногам, не до сильных ожогов, но очень чувствительно, после чего отправились за остальными. Лун только и успел, что закрыть дверь на ключ, оставив девиц в

тесноте и темноте, когда вернулась Джая вместе с противоядием. Тигр зашел обратно в спальню, где Джая, вручив Кэйлашу ампулу, тут же забрала у него ребенка. У нее был безумный взгляд, словно это был ее ребенок, которого кто-то пытается убить. Лун невольно подумал о том, что в ней, должно быть, просыпаются материнские инстинкты, но моральных сил, чтобы улыбнуться супруге у него просто не было – он слишком волновался за наставницу. Тигр передал новорожденного на руки жене, лишь коснувшись губами ее макушки, после чего полностью сосредоточился на наставнице и Пламени, которое желало ее вылечить, сжечь весь тот яд, что оставила в ней мертвая кобра. И он начал отдавать Пламени свою энергию, потянувшись сознанием к теплу Огня.

Шэн Бо

Судорога, сводившая мышцы, вызвала мучительную боль, возвращавшую к ощущению реальности. Шэн не понимала, с чем сейчас борется: с болью ли, слабостью или с самой жизнью, которая пока не уходила, цепляясь за судорожные глотки обжигающего воздуха. Был ещё голос Кэйлаша и его признания, которые казались невероятными. Но ощущения все сильнее проваливались в ледяной звон черной пустоты, и Шэн почти не понимала, что происходит, когда в крови оказалось противоядие. Просто тело стало оживать, а боль от сковавшей тело судороги понемногу отпускала. Вдох, ещё один, все проще.

Комната наполнилась энергией пламени, которую Шэн чувствовала всей кожей. Ещё один бой со смертью закончился победой над ней. Тигрица прогнулась в спине, делая глубокий вдох сквозь боль, сковавшую ребра, затем вновь услышала детский крик совсем рядом. Она обернулась на голос ребенка, но перед глазами стояла темная завеса, пока лишь начинавшая рассеиваться. Шэн села на кровати, хватаясь за находившегося рядом Кэйлаша, но при этом продолжая смотреть невидящими глазами в ту сторону, где был младенец.

- С ним... все в порядке? – спросила Шэн, справляясь с одышкой. Она попыталась рвануться к сыну, но поняла, что тело ещё не слушается, и пришлось опереться ладонями о кровать, стараясь справиться с дрожью в резко ослабших мышцах, чтобы не упасть. – Я не вижу, - тихо сказала тигрица, надеясь, что её услышит только Кэйлаш.

Энергия была будто чужой, Шэн не могла понять ощущения от собственной ауры, из-за чего ещё сильнее злилась на себя и свое состояние, но при этом смутно вспоминала то, что знала едва ли не с детства: судороги, паралич дыхательных мышц, боль и слепота были последствиями действия яда королевской кобры. Если стало легче, значит, подействовало противоядие. Состояние быстро улучшится, значит, скоро удастся понять свою энергию.

Джая Кайлаш Лакшми Шэ Иша Джиотиш

Джая уже готовилась начать орать, лишь бы Лун отдал ей ребенка, но тигр сообразил сам. Поцелуй девушка тоже почувствовала. И, как ни странно, именно это маленькое проявление совершенно нормального чувства любви и привело ее в себя. Посреди комнаты, где умирала тигрица, среди крови, грязи, криков и писка ребенка кобра вдруг пришла в себя. Поняла, где находится, осознала, что с ней. Благодарно улыбнулась Луну. Ласково улыбнулась, так, как никогда этого не делала.

И, возможно, не сделает. Потому что не фиг баловать этого каланчу. А то зазнается. Джая надулась и перевела взгляд на кроху, которую прижимала к себе изо всех сил. И тут же лицо ее словно засветилось изнутри. Девушка забыла все обиды, которые только мог принести ей наследник принца. Забыла про собственную злость на сам факт появления на свет этого мальчика. Но не забыла про то, что еще несколько часов назад мучительно соображала, как ей поступить. Именно тогда были потеряны драгоценные секунды, которые в результате чуть не унесли жизнь сифу Бо. Не промедли она тогда, останься верна Наставнику, и все было бы по- другому.

Джая робко приблизилась к тигрице и принцу. Медленно опустилась на колени. Как- то совершенно детским движением потеревила руку сифу Бо. Холодную, какую-то странно мягкую и слабую. Удивленно и испуганно глянула на пальцы, что держала своими. Нахмурилась. А потом, повинувшись инстинктам, осторожно перехватила мальчика и положила его прямо на живот тигрице. Чуть придвинула к груди той и сверху положила на ребенка безвольную руку молодой матери.

- Сифу Бо, вот же он, вот. Ну же, вот он, потрогайте. – Лепетала девушка, стараясь собственными пальцами надавить на пальцы женщины, чтобы она их согнула. А потом посмотрела на принца и опустила голову. Чуть отодвинулась, не вставая с колен, и склонилась лбом к полу. Заговорила, четко выговаривая слова и стараясь не думать о Луне. – Наставник, это я виновата. Я не успела... Я... сомневалась. Я заслужила казни, Наставник. Простите меня.

Кэйлаш Нилам Садхир Иша Джиотиш

Жизнь – это постоянная борьба. За власть, за деньги, за выживание. И, пожалуй, борьба за выживание – самое сложное, когда за плечами уже не остается ничего, когда сердце отсчитывает последние секунды, оставляя едва заметную возможность на выживание, когда боль разрывает грудь при каждом новом вздохе, что позволяет продлить секунды рядом с тем, кто держит тебя за руку. Кэйлаш вел сейчас борьбу со Смертью, не желая отпускать свою тигрицу в ее объятия. И, кажется, сумел привести достаточно аргументов, потому что она начала отступать. И в этой борьбе за жизнь он забыл о том, кого они вместе так долго ждали, забыл о своем сыне. Возможно, это неправильно, но сердце знало и чувствовало как будет правильнее. Он не сомневался в Джае, он не сомневался в Луне, он просто боялся, наверное, впервые в жизни осознанно испугался, того, что может ее потерять.

- Все хорошо, Шэн, - прошептал принц, держа ее за руку.

Кэйлаш уже отчетливо слышал плач младенца, понимал, что это его сын, и он здесь, совсем рядом, но не мог перевести взгляд. Шэн, его златоглазая тигрица, он едва не потерял ее. Сейчас. Минуту назад. Но тут подошла Джая, старательно передавая ребенка матери. Взгляд принца стал осознаннее, и теперь он смотрел на них двоих: его жену и его сына, который так жалобно плакал. И, наверное, мог бы смотреть вечно за тем, как руки матери обнимают новорожденного ребенка, если бы ученица не привлекла к себе внимание. Аспиду потребовалось некоторое время, чтобы осознать все произошедшее. И самым явным было то, что именно Джая спасла ее.

- Если бы ты заслуживала смерти, то уже лежала бы рядом на полу. Тебя же стоит поблагодарить за то, что ты сделала для нас. Сейчас же идите и приведите себя в

порядок, а через пятнадцать минут жду вас обоих в тронном зале, - Последнее было сказано чуть строже, чтобы ни у кого вдруг не возникло желания спорить или что-либо еще спрашивать.

Когда Лун и Джая покинули комнату, принц аккуратно накрыл тигрицу вместе с младенцем теплым пледом, после чего обернулся на появившуюся в дверях Ашу, свою мать.

- Полагаю, что твоя бывшая спальня нам сейчас подойдет больше, - он нежно коснулся все еще влажного лба супруги губами, после чего аккуратно поднял ее вместе с сыном на руки и направился в другую комнату, лишь на несколько секунд отвлекшись на Ашу, - распорядись, чтобы тут все привели в порядок, а девиц из соседней комнаты под стражу. — Кэйлаш вновь перевел взгляд на жену, после чего направился дальше, лишь уже толкнув дверь ногой, он вновь обернулся на мать, чувствуя, что это именно она проинформировала Джая, потому что больше просто некому было, - Спасибо.
